

— Не принимать никого!

Исполненный внутренней силы яростный крик донёсся изнутри, заставив Сяо Фуцзы, который как раз согнулся в три погибели и прижался ухом к двери в ожидании указаний, отшатнуться на два шага назад.

Уж больно скверное сегодня настроение у его хозяина.

Император наострил уши, прислушиваясь к звукам за дверью: в ответ — ни звука. Сяо Фуцзы, парень смыслённый, видимо, сообразил, что Ваше Величество не в духе, и, не смея докучать расспросами, тут же отправился выставлять министра чинов за порог.

Сын Небеса ослабил натянутые до предела нервы и, опустив взгляд на ту самую огромную тушу, из-за которой у него так болела голова, почувствовал, как сердце вновь судорожно сжалось.

Ярко-алая кровь пропитала шёлковую ткань, только что наложенную на рану. Не прошло и минуты, как он отвлекался на Сяо Фуцзы, а лицо варвара уже из синеватого сделалось багрово-фиолетовым, глаза под тяжелыми веками были плотно закрыты.

Уж не помер ли?

Император склонил голову, с легким трепетом разглядывая его.

Взгляд скользнул по вздымающемуся бугорком паху: хм, не опало, значит, должно быть, еще жив. Подумав об этом, он тут же сообразил, и лицо его вспыхнуло жарким румянцем.

Этот зверь даже на пороге смерти думает о похоти.

Будь он проклят!

Впрочем, кажется, это он сам влил в него целую склянку возбуждающего зелья...

Тц-тц, немудрено, что кровь из раны хлынула с новой силой.

— Ваше Величество...

Тонкий голос Сяо Фуцзы снова донесся из-за двери, застав Девятого и Пятого Владыку в комнате врасплох — тот чуть не подскочил от неожиданности. Не успел евнух договорить, как сердитый окрик императора перелетел через порог, ударив прямо по барабанным перепонкам Сяо Фуцзы: — Я никого не принимаю! Пошел вон!

Стоило прогреметь громогласному гневу, как за дверью мгновенно воцарилась мертвая тишина.

Лишь мгновение спустя раздался робкий голосок Сяо Фуцзы:

— Ваше Величество, вас изволит видеть вдовствующая императрица.

Вдовствующая императрица?

Мудрые брови слегка сошлись на переносице. На сердце у императора вновь заскребли кошки. Что на этот раз стряслось, раз Матушка решила позвать его именно сейчас? Не пойти — решительно невозможно.

Сын Небеса правит Поднебесной на основе сыновней почтительности. К тому же сейчас они не в столице, сослаться на государственные дела не получится, а если объявить себя болью, чего доброго, Вдовствующая императрица сама пожалует с проверкой.

Эта залитая кровью комната, принц киданей, который, по идее, должен быть похищен дерзкими разбойниками, а главное — его собственный торчком стоящий детородный орган, который сейчас бросится в глаза первому же встречному, — разве всё это может предстать перед взором Матушки?

Холодный пот покатился по лбу молодого монарха. Он разжал руки, уронил главного виновника всех бед на пол и медленно поднялся на ноги.

— Я понял, сейчас переоденусь и приду. Входить и прислуживать не нужно, на душе скребут кошки, никого видеть не хочу.

Сяо Фуцзы послушно отозвался снаружи.

Император снова спросил:

— Девятый князь вернулся в резиденцию?

— Слушаю Ваше Величество, Девятый князь и все министры не смеют расходиться, до сих пор ждут у ворот дворца.

— Мм, — голос императора прозвучал равнодушно. — Ступай к дворцовым воротам, позови Девятого князя и скажи... у меня есть к нему разговор с глазу на глаз.

Получив приказ, Сяо Фуцзы бегом бросился за Девятым князем.

Император стоял посреди комнаты, с минуту помедлив, согнулся в три погибели и легко постучал кулаком по онемевшим от долгого стояния на коленях бедрам. Его взгляд снова упал на лицо Цан Нуо.

Хоть и варвар, а бороду сбрил наголо. С четко очерченными углами лица, красавцем его не назовешь, но удалым молодцом назвать вполне можно.

Глядя на человека, чья жизнь и смерть сейчас зависели исключительно от него, он подумал, что вчерашний громогласный гнев, ночной приказ окружить Резиденцию киданей, утренний указ об аресте, да еще эти утренние вопли и слезы в Большом зале — всё это было совершенно напрасно.

Теперь прикончить его — дело одного мгновения. Проведи кинжалом вдоль шеи, легонько полорани — и всему конец.

Убить или не убить?

Император с высоты своего роста разглядывал киданьского принца. Он и сам не понимал, как его всегда ясный и острый ум мог превратиться в такую кашу из-за этого парня.

— Ваше Величество, ваш покорный слуга прибыл, — раздался за дверью голос Девятого князя, в котором звучала непривычная для него осторожность. Слова, сказанные сегодня утром, хоть и были сушей правдой, но слишком ранили сердце императора.

— Прибыл? Рядом кто-нибудь есть? Где Сяо Фуцзы?

— Слушаю Ваше Величество, только я один. Сяо Фуцзы отправился докладывать Вдовствующей императрице.

— Ох... — голос императора донесся из-за закрытой двери, отзываясь какой-то призрачной, далёкой пустотой. Он помолчал какое-то время, словно в нерешительности взвешивая что-то, и наконец тихо промолвил: — Девятый младший брат, входи.

Девятый князь толкнул дверь и, подняв глаза, увидел бледного, потерянного императора, стоявшего посреди комнаты. Сердце у него сжалось от жалости, он уже собирался опуститься на колени для приветствия, как боковым зрением резко зацепился за пол.

Кровь!

В поле зрения, помимо луж крови, попало знакомое лицо багрово-фиолетового оттенка. Тело, распростертое в крови, казалось безжизненным.

— Ах! — даже столь хладнокровный человек, как Девятый князь, не удержался от тихого восклицания. Сразу после этого он инстинктивно прикрыл рот рукой и, собравшись с духом, развернулся и плотно-плотно притворил за собой дверь. Затем он уставился на императора: — Ваше Величество? Это... — в его груди слышалось легкое, тревожное дыхание.

— Это принц Цан Нуо из Киданей, ты его знаешь.

Увидев своего младшего брата и подданного одновременно, император немного успокоился. Он бросил взгляд на лежащего на полу Цан Нуо, намеренно проигнорировав торчащий бугорок на его штанах, задумчиво перевел взгляд на лицо Девятого князя и продолжил: — Он ранен и отравился... отравился ядом. Об этом знаем только мы двое. Скажи, как с ним поступить?

Как поступить? Девятый князь посмотрел на испускающего дух Цан Нуо.

Воздух в просторной комнате натянулся тугой струной, отчего дышать стало трудно и тяжело. Выражение лица императора-второго брата, стоявшего перед ним, разительно отличалось от привычного, что заставило Девятого князя втайне встревожиться.

Но даже испытывая тревогу, он был вынужден взять себя в руки и сначала оценить обстановку.

Оценивать было нечего: судя по той палатке, что возвышалась на штанах не к месту оказавшегося здесь киданьского принца, опытный Девятый князь уже догадался, что тот объелся вовсе не ядом.

Киданьский принц, с которым они провели полночи и которого Девятый и Пятый Владыка ненавидел лютой ненавистью;

Киданьский принц, который, по слухам, был похищен по дороге под конвоем, но вдруг объявился во дворце;

Залитая кровью личная спальня монарха, о чем молчат в тряпочку, зато втайне вызывают родного брата;

И наконец — возбуждающее зелье!

Неужели... Леденящая душу догадка молнией пронеслась в голове Девятого князя и тут же была им с гневом изгнана прочь.

Невозможно! Абсолютно невозможно! Какая кошунственная мысль.

Стоило этой мысли возникнуть, как у Девятого князя пропало даже малейшее желание расспрашивать, каким образом Цан Нуо очутился в спальне императора.

Интуиция подсказывала ему: задай он этот вопрос — и сгинет без погребения.

Первое умение, которому учатся придворные с рождения — не задавать вопросов, которые задавать не положено.

— Девятый младший брат, ты всегда отличался прямоотой, отчего же сегодня так колеблешься? Выкладывай свой план.

Тяжелый голос императора снова долетел до его слуха.

Оба стояли рядом с полуживым Цан Нуо, делая вид, что изучают чужеземного принца.

— Убить его.

Поколебавшись секунду-другую, Девятый князь принял волевое решение. Утренний разговор с императором о том, что нельзя притеснять киданьского принца, уже задел чешую Девятого и Пятого Владыки. Теперь же представился редкий шанс тихо и незаметно избавиться от этого страшного занозы в сердце императора — почему бы и не воспользоваться?

В конце концов, они братья, выросшие вместе, и если обстоятельства позволяют, он тоже был не против того, чтобы этот тип, доводящий его второго брата до белого каления, исчез навсегда.

— О? — Император на мгновение умолк. — Убить его — дело пары пустяков, проще простого. Но если труп останется здесь, в дальнейшем его неизбежно обнаружат.

Раз уж решение было принято с ходу, оставалось только довести дело до конца.

Девятый князь понизил голос:

— Насчет тела Ваше Величество может не беспокоиться. Ваш покорный слуга знает об одном зелье, которое не только растворяет плоть, но и от костей не оставляет ни следа. Стоит лишь брызнуть им на его рану, как в течение получаса на всей земле и под небесами от него не останется и следа. Главное — убедиться, что никто другой не узнает о его визите во двор.

Вода, растворяющая трупы?

Сердечко императора дрогнуло.

Испуганно бросив косой взгляд на вновь обретшего хладнокровие и деловитость младшего брата, он никак не мог объяснить, чем вызвана эта паника и смятение в его душе.

Стоит лишь брызнуть на рану...

Он стоял в глубокой тревоге и лишь спустя долгое время глухо спросил:

— И... кто возьдет это на себя?

Этот, казалось бы, не имеющий решающего значения вопрос оставил во рту императора горький привкус.

Девятый князь подумал немного и произнес:

— Позвольте вашему слуге. Не марайте руки Вашего Величества об этого чужака.

— Ваше Величество, может, мне прямо сейчас сходить за зельем?

— ...

— Или сперва помочь ему испустить дух?

— ...

— Ваше Величество?

Каждая фраза словно доносилась издалека, а долетая до ушей, уже с трудом различалась.

Император поднял голову, отводя взгляд от едва вздымающейся груди Цан Нуо. Ему хотелось посмотреть в окно, но все окна были плотно закрыты, а запертая дверь не давала нормально вздохнуть, стесняя грудь.

Если бы младший брат колебался, убивать или нет, он наверняка проявил бы единоличное волю и отдал приказ казнить немедленно.

Но он никак не ожидал, что Девятый брат так решительно выскажется за убийство.

Столь безапелляционная поддержка, напротив, заставила императора усомниться.

И впрямь убить?

Та жидкость для растворения тел попадет на рану, раздастся шипение, и всё превратится в

дым?

— Чжэн-эр...

Тихий, подобный паутинке голос, пробравшийся в уши, заставил императора вздрогнуть. Вглядевшись, он понял, что Цан Нуо давно потерял сознание, глаза закрыты, губы сомкнуты — откуда ему было звать его?

— Ваше Величество?

А вот этот голос был вполне реальным.

Пытливый взгляд Девятого князя замер на его лице.

Настал момент, когда Девятый и Пятый Владыка должен проявить единоличную волю.

Помолчав немного, император выдал из себя усмешку, в которой сквозила горькая ирония:

— А я-то думал, ты сегодня утром в Большом зале говорил чистую правду. Про то, что я раб этой необъятной земли, про то, что мне нужно стерпеть унижения, про то, что общие интересы важнее меня самого? Разве ты не стоял с лицом полным скорби, требуя защитить этого киданьского принца-посла? Как же так? Стоило представиться возможности расправиться с ним, как ты загорелся его убийством даже сильнее меня?

Этот едкий, режущий по живому упрек обрушился на Девятого князя раскатом грома, мгновенно ошелобив обычно бойкого и уверенного в себе мужчину.

Кто бы мог подумать, что второй брат-император, который сегодня утром бесновался и клялся разорвать Цан Нуо на куски, вдруг совершит сто восьмиградусный разворот в своем отношении?

Окатившись холодным потом, князь в то же время подумал: раз тот готов помиловать его, значит, его только что посетившие кощунственные догадки были абсолютным плодом больного воображения.

Неужели дело и вправду лишь в обычной вспышке императорского гнева?

Как странно...

— Ты говорил, что я не думаю об этой империи, говорил, что ради собственных прихотей разрушаю союз с Киданями... Хм, мне поручено предками беречь этот цветущий мир, и

неужели я послушаю тебя и растворю посланника великих Киданей какой-то дрянью для тел?

Император распалялся всё сильнее. Он зашагал из угла в угол по комнате, и по мере того, как злой внутренний огонь уходил наружу, на сердце становилось невыразимо легко. Сразу приняв решение, он остановился, уставился на озадаченного Девятого князя и огласил высочайшую волю:

— Ради блага Поднебесной я не могу убить этого человека.

Стоило произнести эти слова, как на сердце стало еще легче — словно из него вытащили и распутали клубок застрявших нитей.

Верно, он щадит этого человека исключительно ради будущего Небесной Династии.

Как правителю, ему подобает по возможности избегать войн с другими странами.

Помимо этого, никаких иных причин оставлять ему жизнь не было.

Император холодно произнес:

— Ты останешься здесь, и ни одна живая душа не смеет сюда войти. За какими бы мазями и пилюлями ни возникла нужда, требуй всё у Сяо Фуцзы. Я поручаю тебе заботу об этом человеке. Будет он жить — твой Юлан тоже проживет; умрет он — я заставлю Хэ Юлана заплатить своею жизнью.

Всё искреннее стремление Девятого князя проявить заботу о втором брате было разбито вдребезги этими холодными, жесткими словами. Услышав последнюю фразу императора, он резко вскинул голову, с искаженным от ужаса лицом:

— Ваше Величество!

— Это императорский указ, ты смеешь противиться воле государя? — Слова Девятого князя были беспрецедентно и безжалостно оборваны императором. В зрачках императора читалось лишь железобетонное решение: — Я пойду переоденусь и навещу Вдовствующую императрицу.

Направившись во внутренние покои, он вдруг обернулся:

— Я ведь не шучу, этот человек поручен тебе. Выживет — твоя заслуга, помрет — твоя вина. Это ведь киданьский принц, здесь замешаны государственные интересы, если что-то пойдет не так, не взыщи за то, что забуду о братских чувствах.

С этими словами он наконец скрылся во внутренних покоях, сам сменил окровавленные драконьи одежды на легкое одеяние цвета алой зари и подумал о том, как сейчас его младшему братцу придется повозиться в этой комнате с вопросом жизни и смерти Цан Нуо. Он не удержался и тихонько усмехнулся.

На этот раз болеть голова будет точно не у него.

При сноровке Девятого братца и медвежьим здоровьем этого парня, должно быть, удастся выходить.

А когда выходят — тогда и разберется без спешки.

Оставив позади Девятого братца, назначенного козлом отпущения, и гордо удалившись, император вновь ощутил прелесть императорской власти, оторвавшись от серых и унылых будней.

Улыбка теплилась в сердце едва ли не мгновение, как при входе в главный зал её разнесло в пух и прах.

— Уж больно сильно гневался нынче император, — с порога легко и невесомо опустились слова Вдовствующей императрицы. — Что за важная такая оказия, раз она так перепугала Благородную супругу Шу?

Не ожидая, что новость так быстро дойдет до ушей Вдовствующей императрицы, император на секунду замер и бросил взгляд на стоящую рядом и опустившую голову Благородную супругу Шу.

— Ваше Величество может не сверлить её глазами. Благородная супруга Шу не приходила наговаривать, не обвиняйте человека понапрасну. Услышав об этом, я велела привести её сюда, чтобы успокоить. Благородная супруга Шу, ты в положении, не нужно стоять здесь и прислуживать, присядь вон там, составь мне компанию, поболтаем.

Вдовствующая императрица прикрыла чайной крышечкой плавающие в пиале чайники:

— Ваше Величество, садитесь-ка поближе, пусть Матушка потолкует с вами по душам.

Император пододвинулся ближе, приподнял полы халата и опустился рядом с Вдовствующей императрицей.

Та качнулась, и стоящая рядом служанка поспешно шагнула вперед, принимая из ее рук пиалу.

Вдовствующая императрица повернула голову и с глубоким смыслом промолвила:

— Ох, император, во чреве Благородной супруги Шу зреет драконий плод. Каковы бы ни были ее провинности, здоровье — превыше всего. Если у тебя есть гнев, который нужно выплеснуть, мало ли других мест?

— Да, Матушка права.

— Зачем существует гарем из трех тысяч наложниц? Разве не ради императорского семени, ради драконьего продолжения?

— Да.

— Император, не сочти за то, что Матушка потакает Благородной супруге Шу и портит тебе настроение из-за пустяков, связанных с какой-то наложницей. Подумай сам, ты — человек над мириадами подданных. Сколько людей льстят тебе и заискивают? Кто не ломает голову над тем, как угодить? Какой наложницы знак ты перевернул вчера вечером, в чей дворец ступил сегодня утром, на какую из них повысил голос хоть немного — за всем этим дворец наблюдает во все глаза. Благородная супруга Шу ничего дурного не сделала, а приняла этакую незаслуженную бурю. И дело вовсе не в ней самой, а в том, что случись навредить плоду, оборвись императорская кровь — как тогда я посмотрю в глаза покойному императору?

Император слушал каждое слово Вдовствующей императрицы, сказанное с такой искренней заботой, и лишь кротко отвечал:

— Матушка, сын ваш осознает свою вину. Благородная супруга Шу и впрямь не виновата, она обижена понапрасну, вернувшись, я непременно утешу ее.

При этом мысли его унеслись совсем в другую сторону.

Интересно, как там сейчас справляется Девятый братец?

То он думал, что у этого Цан Нуо кожа толстая и кость крепкая, так что он точно не помрет.

То вдруг сообразил, что о принятых тем пилюлях он Девятому братцу даже не обмолвился — как бы тот не сплеховал с лечением.

Если и вправду затянет и сгубит Цан Нуо, тогда...

— Я позвала тебя не только из-за Благородной супруги Шу, — донесся голос Вдовствующей императрицы, заставляя императора прервать хаос в мыслях и вновь почтительно прислушаться. Вдовствующая императрица продолжала размеренно: — Я ведаю делами

внутреннего двора, и кроме них влезать ни во что не желаю. Но вот что, император: сегодня ты кричал на министров, отчитывал Старого Девятого, орал на Сяо Фуцзы, пугал Благородную супругу Шу, и, как докладывают, даже лицо императрицы уронил перед всеми?

Заметив, как император открыл рот, собираясь оправдаться, она чуть повела бровями, а голос ее остался прежним — ни выше, ни ниже:

— Не сомневайся, императрица ко мне не ходила и ничего не жаловалась. Сынок, — она протянула руку и накрыла ладонь императора, лежащую на белоснежном нефритовом столике, заглянув ему прямо в глаза, — править страной — дело нешуточное. Один человек повелевает четырьмя сторонами света — задача великой трудности, и именно потому, что это трудно, выказывается твое искусство. Ты — государь, и каждое твое слово, каждый звук, каждое движение рассматривают, разглядывают, истолковывают. Сегодняшний случай хоть и мал, но вполне может послужить уроком. Сам посуди: стоит тебе нахмуриться — и сановники трепещут, весь дворец в смятении. Не суди Матушку за болтовню, я хочу лишь напомнить. Ты — мудрый правитель, а я, твоя матушка, хочу обрести душевный покой.

Император слушал молча. Сперва он не придавал этому особого значения, но к последней фразе начал улавливать скрытый смысл, и сердце его камнем пошло ко дну.

Высказав всё, Вдовствующая императрица сделала глоток поданного служанкой горячего чая и мягко улыбнулась:

— Вот расхныкалась сегодня старая матушка, утомила императора, да?

Император покачал головой, немного подумал, выдавил улыбку и произнес:

— Всё, что говорит Матушка — непреложная истина, и всё ради блага вашего сына. Я всё понимаю и впредь буду осторожен в каждом шаге. Матушка может не тревожиться, ваш сын больше никогда не станет срывать злость на министрах, а что до императрицы и наложниц — я и так дорожу ими пуще прежнего, и уж тем более не стану их обижать.

С этими словами он спокойным взглядом обвел комнату.

Не только Благородная супруга Шу, но даже стоящая рядом с Вдовствующей императрицей личная служанка содрогнулись под его взглядом.

Вдовствующая императрица вновь спросила:

— Столько всего наговорили, а я так и забыла спросить: из-за чего ты сегодня так рассвирепел? Что стряслось-то?

При этих словах вчерашнее раздражение и досада мелькнули в голове, но тут же рассеялись:

выкладывать это Вдовствующей императрице было нельзя. Император улыбнулся — горьковато, с легким налетом усталости:

— Матушка может не волноваться, ваш сын уже всё уладил. Всего лишь дела с киданьской стороной.

— Государственные дела? — Вдовствующая императрица приняла строгий вид. — Раз государственные, значит, не мне в них вмешиваться. Император может не продолжать, разбирайся сам.

После этого она перешла на повседневные мелочи вроде аппетита и сна, выказав крайнюю степень заботы, а затем велела ввести Сяо Фуцзы и еще раз наставительно потребовала беречь драгоценное здоровье.

Император отвечал невпопад.

Приходя сюда с утренним поклоном в иные дни, он всегда чувствовал, что хотя статус Девятого и Пятого Владыки одинок, но всё же в нем есть то тепло семейного очага, где мать милосердна, а сын почитен, — картина, достойная войти в предания.

Сегодня же, почему-то, Вдовствующая императрица, находившаяся на расстоянии вытянутой руки, казалась ему донельзя далекой. Всё, о чем она говорила изо дня в день, чем заведовала, о чем спрашивала — было лишь тем, что надлежало исполнять в силу ее положения.

Она была права.

Он — мудрый государь, а она — по-настоящему счастливая Вдовствующая императрица.

Многие вещи здесь зиждутся на разделении и почестей, и позора — точно так же, как между ним и императрицей, Благородной супругой Шу, Вдовствующей императрицей и даже Сяо Фуцзы.

В этой исполинской дворцовой машине каждый — всего-навсего пешка на доске.

Будь жива его родная матушка, пожалуй, всё было бы иначе, и он мог бы высказать ей то, что на душе, но, увы, та оказалась столь недолговечна.

И хотя в мыслях роился целый рой соображений, сыновий долг как Сына Небес пренебрежению не подлежал. Император еще добрых полчаса изображал радость и почтительность, пока наконец не нашел предлог откланяться.

Стоило переступить порог, как небо незаметно затянуло тучами. Стоя на ступенях, он замер,

смутно разглядывая то, что скрывалось за густыми переплетениями ветвей и цветов. Знакомый до боли дворец на одно мгновение показался ему до ужаса чужим.

Ласковое обращение Чжэн-эр — такого слова не произносила даже Вдовствующая императрица. Император стоял в одиночестве и холодно, с вызовом кривил уголки губ в усмешке.

— Ваше Величество, не стойте на сквозняке, простудитесь еще, — Сяо Фуцзы вынырнул из-за спины и зашептал, согнувшись пополам. Сегодняшний нрав императора разительно отличался от обычного, и евнух удвоил осторожность, с трепетом переспрашивая: — Ваше Величество, пожалуем к императрице?

— Нет.

— Э... к Благородной супруге Шу?

— Нет.

— Тогда...

— В Зал Извивающегося Дракона.

При мысли о том варваре, что понес заслуженное наказание и сейчас заперт в Зале Извивающегося Дракона, подавленное настроение императора вновь обрело легкость и взмыло вверх.

<http://bllate.org/book/21146/2144236>